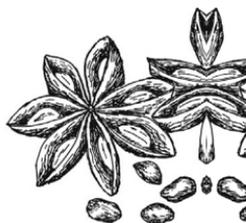

Нет, Арктика не уступает своих секретов по цене билета на пароход. Надо пережить долгую ночь, бури, гибель людской гордыни. Надо взглянуть в лицо смертности всего сущего, чтобы постичь, чем оно живо.

Кристин Риттер. Женщина в полярной ночи, 1938

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

Самолет летел и летел все дальше на север. Я перегнулась через Райана, чтобы выглянуть в окно.

— Да не на что там смотреть — темно уже, — чуть извиняющимся тоном проговорил он.

Я прижалась лицом к стеклу (не слишком сильно, потому что опасалась, как бы оно не треснуло) и, прищурившись, вгляделась в слабые очертания облаков внизу.

— Интересно, а северное сияние мы увидим?

Райан улыбнулся.

— Поедем кататься на снегоходах и отыщем, обязательно.

— А вдруг у меня не получится на снегоходе?

Райан сжал мою руку.

— Ну конечно, получится. Это проще просто — как на квадроцикле, вот и все.

На квадроцикле я тоже никогда не ездила, но не стала сейчас уточнять. Райан считает, я часто

к себе несправедлива, а мне хотелось проявить себя с лучшей стороны в нашем Большом Приключении. Он так упорно трудился, чтобы получить эту позицию, — не стану же я все портить ему нытьем.

— Прямо не терпится заценить тамошние рестораны, — сказала я. — При одном есть собственная теплица с уймой растений. А подают в нем китовое мясо и оленину.

— Вот в первые же выходные и сходим!

Я собиралась ответить, но меня прервал громкоговоритель:

— Мы начинаем снижение к Лонгйиру. Пожалуйста, вернитесь на места и пристегните ремни безопасности.

Странное обрывающееся чувство у меня в животе объяснялось не только резкой потерей высоты.

Когда Райан сообщил, что ему предложили стажировку по наблюдению за полярными медведями в самом близком к Северному полюсу городе мира, я засмеялась. Но он не шутил — он показал мне имейл и сказал: а здорово было бы, если б я поехала с ним. Я представила, как мы с ним жмемся друг к другу в задымленной хибарке, убиваем дубинками тюленей на завтрак и, потихоньку сходя с ума от отсутствия других собеседников, начинаем поедать собственные башмаки. В ответ он заверил меня, что Лонгйир — настоящий маленький городок с супермаркетом, отелями, пабами и ресторанами. Мало-помалу идея перестала казаться такой уж безумной.

Разумеется, жизнь полна примеров, когда ожидания не совпадают с реальностью. Взять хоть платья, которые заказываешь онлайн, увидев на модели гораздо стройнее тебя. Или попытки испечь выпендренный торт по неопробованному рецепту. Или вот коммунизм...

— Майя? Все в порядке?

Райан встревоженно смотрел на меня.

Я заставила себя улыбнуться.

— Ага. В полном порядке. Совершеннейшем.

— Я же вижу, ты нервничаешь. Что абсолютно понятно. Если тебе от этого будет легче, знай: мне тоже очень не по себе.

— Тебе?

— Ну да. Ташу свою шикарную девушку в самый северный город мира — и не хочу, чтобы она пожалела, что поехала. А еще начинаю новую работу и боюсь оказаться неопытнее всех.

— Ты отлично справишься! Им с тобой повезло, — заверила я.

— А мне повезло, что ты согласилась со мной поехать.

Он протянул руку, и я положила голову ему на плечо. Задница у меня такая объемная, что сидя мы с ним получаемся почти одного роста, так что в этой позе у меня слегка болит шея — зато он такой теплый и крепкий, что я сразу почувствовала себя уверенней.

Шасси ударились об асфальт, самолет затрясся и постепенно остановился. Значки «пристегните ремни» погасли, мы поднялись и подхва-

тили свои вещи. Передо мной в очереди стояло семейство с двумя детьми, и оба ныли.

— Будет очень весело, — усталым голосом сказала мама.

«Весело» — одно из самых обманчивых слов английского языка. Оно включает в себя мини-гольф, корпоративные выезды и вечеринки, на которых ты стоишь в углу, в ушах у тебя звенит, а ты гадаешь, когда будет социально приемлемо уйти.

Вот и дети на него не купились. Заныли, что хотя в Диснейленд. Нашли, куда хотеть!

Я продвигалась вслед за семейством к переднему выходу, пытаюсь вспомнить фотографии Лонгйира, которые видела в Сети. Разноцветные деревянные домики на фоне снежных гор. Громады айсбергов и синие тени под ними. Северное сияние, раскинувшееся по небу зелеными и фиолетовыми лентами. Кружки с горячим шоколадом перед ярко пылающим огнем. Но все картинки Арктики, что я рисовала себе в голове, рассыпались, стоило мне лишь выйти из самолета.

Холод ударил меня по лицу, точно пощечина, чуть ноги не подкосились. А еще кругом было темно, совершенно темно, хотя всего три часа дня. Я застыла — и в прямом, и в переносном смысле.

— Детка? Мы всех задерживаем.

В голосе Райана сквозило смущение — очередь позади уже начала пассивно-агрессивно ворчать на нескольких языках. Однако назад пу-

ти не было — я сделала выбор в тот миг, когда зашла в самолет.

Я заставила себя двинуться вниз по трапу. Холод пробил мой пуховик в считанные секунды. Он обдирал лицо. Ноздри изнутри словно исполосовало крохотными лезвиями. У каждой страны свой запах — обычно это первое, что замечаешь, выходя из самолета. Англия пахнет дождем и бетоном, горьковато, но свежо. Когда я в прошлом году ездила в Дубай, тамошний воздух, болотистый и влажный, был пропитан выхлопными парами и растительной сыростью. Но здесь я вообще запахов не различала.

Когда мы спустились, Райан обнял меня за плечи.

— Чертовски холодно, а? Надо было балаклавы надевать.

— Я не могу надеть балаклаву в самолет. Меня арестуют, — сказала я.

Лицо у меня занемело, словно покрылось толстым слоем инея. Я бы не удивилась, если бы так оно и было.

— Пойдем скорее внутрь.

Под ногами хрустело несколько дюймов снега. Рабочие в комбинезонах разгружали багаж. Другие — в каких-то машинах — окружили самолет и чем-то его поливали, наверное антиобледенителем.

Я посмотрела за самолет, надеясь разглядеть окрестный пейзаж, но увидела лишь темноту. Тогда я переключилась на освещенное здание терминала впереди. Через стеклянную дверь

виднелись другие пассажиры (в основном бородатые белые мужчины) в дутых куртках и тяжелых сапогах, толпящиеся вокруг единственного багажного конвейера.

Когда мы прошли через автоматические двери, температура поднялась так резко, что я застонала вслух от облегчения.

— Ух ты! Крепко пробрало, а, — сказал Райан.

— Не говори!

Мы посмотрели друг на друга. Щеки у него покраснели, глаза слезились от холода, но он улыбался. Я невольно улыбнулась в ответ. А потом мы оба засмеялись, сама не знаю почему. Наверное, от облегчения, что оказались в тепле... а может, и легкая истерика с моей стороны. (Ну типа, что, черт возьми, мы тут делаем, ну правда же?) И все-таки во всем этом мы были вместе.